

УДК 81'366; 811.512.145

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ОТРИЦАТЕЛЬНОГО СЛОВА *TÜGEL* В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

© Альфия Галиева, Радиф Замалетдинов

MORPHOLOGICAL NATURE OF THE TATAR NEGATIVE WORD *TÜGEL*

Alfiya Galieva, Radif Zamaletdinov

This paper studies structural and semantic features of the disidentificational negation in the Tatar language, expressed by means of the word *tügel*. In Tatar grammar, the word *tügel* is qualified as a particle. We suggest that the morphological nature of this word should be revised. The research into morphological features, collocability of the word *tügel* and its part of speech characteristics studied on the corpus data, demonstrate the scientific significance of the paper.

The phenomenon of negation is characterised by structural and conceptual complexity, combining different types of linguistic and extralinguistic knowledge. The Tatar language has a set of grammatical means and rules for converting affirmative phrases and clauses into negative ones. They require different ways of morphological and syntactic representation (sorting of situations covered by the negation, accounts for grammatical selectivity).

The disidentificational negation enables us to characterize an object by negating its properties. The word *tügel* has high distribution potential and may be combined with word forms of different parts of speech (nominal, verbal, pronominal words, etc.). Nevertheless, the main function of the word *tügel* is negation of non-verbal (non-processual) predicates. This paper analyses semantics and morphological characteristics of the word *tügel* and its compatibility with other words on corpus data.

The paper concludes that the word *tügel* is semantically incomplete, expressing one of the aspects of the modus of irreality - negation. However, it should not be attributed to the class of particles, as its morphological and morphonological properties characterize it more like an independent notional word. Of all the word categories, described in the Tatar grammar, the word *tügel* is closest to the class of predicative words expressing a modal meaning.

Keywords: Tatar language, morphology, negation, semantics and grammar, particle, predicative word.

В статье рассматриваются структурно-семантические черты дезидентификационного отрицания в татарском языке, выражаемого при помощи слова *түгел*. Слово *түгел* в татарских грамматиках и словарях определяется как частица. Мы исходим из точки зрения, что морфологическую природу этой единицы нужно пересмотреть. Научная новизна статьи определяется следующими факторами: на корпусных данных исследуются морфологические особенности и синтагматика слова *түгел* и уточняется его частеречная принадлежность.

Отрицание как явление характеризуется структурной и концептуально-семантической сложностью, объединяя разные типы языкового и экстралингвистического знания. Виды отрицания в татарском языке являются специализированными и требуют того или иного грамматического (морфолого-синтаксического) представления (сортировка ситуаций, подпадающих под отрицание, обуславливает грамматическую избирательность).

Дезидентификационное отрицание позволяет давать характеристику объекту через отрицание его свойств. Слово *түгел* обладает высокой дистрибутивной самостоятельностью, то есть оно может присоединяться к словоформам разной морфологической природы (субстантивным, глагольным, местоименным и т. п.). Тем не менее, основная функция слова *түгел* – отрицание неглагольного (непроцессуального) предиката.

В статье на корпусных данных исследуются сочетаемостные свойства слова *түгел*, его семантика и морфологическая природа. Авторы делают вывод о том, слово *түгел* является семантически неполным словом, выражающим один из аспектов модуса ирреальности – отрицание. Тем не менее, оно по своим морфологическим и морфонологическим свойствам проявляет себя скорее как самостоятельное слово и не должно быть отнесено к классу частиц. Из всех лексико-грамматических классов слов, описанных в Татарской грамматике, слово *түгел* наиболее близко к классу предикативных слов с модальным значением.

Ключевые слова: татарский язык, морфология, отрицание, семантика и грамматика, частица, предикативное слово.

1. Введение.

Хотя отрицание как логическая и когнитивная категория является универсальной (см. [Horn, Kato, с. 1]), способы выражения отрицания в языках могут существенно различаться. Как отмечает Е. В. Падучева, «отрицание плотно интегрировано в систему грамматических категорий и в лексическую структуру языка, нетривиальным образом взаимодействует с грамматическими и лексическими значениями – модальными, аспектуальными, кванторными и другими» [Падучева]. Типы отрицательных конструкций коррелируют с утвердительными, при этом обычно в языках маркируется отрицание, а утверждение не маркируется. В лингвистике при описании отрицательных конструкций часто используется термин «полярность», обозначающий «категорию, элементы которой указывают, является ли данная категория утверждением или отрицанием» [Мельчук, с. 147].

Отрицание как явление характеризуется структурной и концептуально-семантической сложностью, объединяя разные типы знания – языкового и внеязыкового (ментального или онтологического). Необходимо отметить отсутствие непосредственной референции у отрицательных конструкций: в объективном мире отрицания нет (мы исходим из точки зрения, что оно невозможно онтологически), но отрицание конституируется в субъективном мире – в сознании человека: отрицание появляется при анализе восприятия и постулируется в языке. Поэтому концептуальная структура отрицания основывается на сравнении с ожидаемым или предполагаемым состоянием дел (когда контекст или стереотипная ситуация предполагает, что соответствующее утверждение было (или могло быть) сделано ранее или входит в общий фонд знаний говорящих). Вот как говорит об этом Н.Н.Болдырев: «С помощью отрицания, в частности, профилируется отсутствие ожидаемого элемента события или одной из его планируемых характеристик. Мы как бы специально создаем посредством языковых средств определенный когнитивный контекст, или ментальное пространство, чтобы показать это отсутствие или несоответствие. В качестве такого контекста может рассматриваться тот или иной фрейм как пакет знаний о стереотипной ситуации и как определенная модель или схема осмысления событий, т.е. связанная структура знания, в которой нашим опытом познания мира запрограммировано наличие определенных элементов или событий и их соответствующая оценка» [Болдырев, с. 335].

В татарском языке полярность может быть 1) словоизменительной категорией и маркироваться морфологически (для основной части глагольных словоформ); 2) не словоизменительной категорией и маркироваться при помощи специальной леммы (преимущественно для неглагольных словоформ).

Несмотря на то, что средствам выражения отрицания в татарском и в тюркских языках посвящены отдельные работы (см., например, [Хасанова], [Ханова], [Emeksiz] и др.), тем не менее в большей части имеющихся работ получили отражение лишь достаточно поверхностные, формальные аспекты способов выражения отрицания. В частности, в татарских грамматиках и словарях разного типа отрицательное слово *түгел* до настоящего времени продолжает называться частицей (см. [Татарская грамматика, 1993], [Татар грамматикасы, 2002], а также [Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, с. 600], [Татарско-русский словарь, с. 353] и др.), хотя такая его квалификация во многом не соответствует ни морфологическим и синтаксическим, ни словообразовательным свойствам этой единицы. Кроме того, в имеющихся работах достаточно поверхностно описана семантика татарского отрицания. Следовательно, категория отрицания в татарском языке требует дальнейшего, более детального исследования.

В статье рассматриваются структурно-семантические черты дезидентификационного отрицания в татарском языке, выражаемого при помощи слова *түгел*. Научная новизна статьи определяется следующими факторами: 1) на корпусных данных исследуются морфологические особенности и синтагматика слова *түгел*; 2) уточняется его частеречная принадлежность.

При этом мы не рассматриваем случаи, когда слово *түгел* выражает другие типы отношений, например, соединительные (см. [Татарская грамматика, с. 355–356]). Текстовые примеры и примеры отдельных словоформ взяты из Татарского национального корпуса «Туган тел».

2. Типы отрицания в татарском языке

Русская отрицательная частица *не* универсальна по способу выражения отрицания и по своим сочетаемым свойствам: она может находиться практически перед любой словоформой (в русском языке можно говорить об относительной лингвистической простоте выражения отрицания). Виды отрицания в татарском языке являются специализированными и требуют того

или иного грамматического (морфолого-синтаксического) представления (сортировка ситуаций, подпадающих под отрицание, обуславливает грамматическую избирательность).

В татарском языке можно выделить два основных типа отрицания – предикативное и не-предикативное.

1. Предикативное отрицание нами подразделяется на 3 типа (использована терминология из работы «Об именном отрицании» [Певнов]:

а) глагольное отрицание: выражается отрицательной формой глагола;

б) абсентивное отрицание: выражается при помощи предикативного слова *юк*;

в) дезидентификационное отрицание: выражается при помощи слова *түгел*.

2. Непредикативное привативное отрицание. выражается при помощи аффикса абессива (приватива) *-сЫз*.

Отрицание, выражаемое при помощи слова *түгел*, как и глагольное отрицание, относится к предикативному типу отрицания, оно выражает идею отсутствия связи между концептами: в прототипическом случае – связи между субъектом и его предикатом:

Кар ак түгел. – Снег не белый.

Марат укытучы түгел. – Марат не учитель.

Существительные в дезидентификационном отрицании используются нереперентно и входят в состав именного сказуемого, указывая не на объекты действительности, а на свойства соответствующих объектов.

3. Сочетаемость слова *түгел*

В прототипической ситуации слово *түгел* сочетается с именными частями речи: с существительными, в том числе и с существительными, осложненными аффиксами (*укытучы түгел* – не учитель, *өйдә түгел* – не дома), с прилагательными (*ак түгел* – не белый), с наречиями (*күптән түгел* – недавно), словами с количественным значением (*ун түгел* – не десять, *аз түгел* – не мало), местоимениями (*ул түгел* – не он / не она), со словами с модальным значением, в том числе и с причастиями с модальным значением (*мөмкин түгел* – невозможно, *кирәк түгел* – не нужно, *алырлык түгел* – невозможно взять, *аласы түгел* – не следует брать).

Кроме того, слово *түгел* может сочетаться с глагольными формами: с причастиями (*кайткан түгел* – не есть вернувшийся), с конвербами (*алып түгел* – не беря, *алгач түгел* – не взяв), с именами действия (*кайту түгел* – не возвращение), с инфинитивами (*барырга түгел* – не идти) и даже с финитными глаголами (*Чабабыз түгел, очабыз!* – Не бежим, а летим!).

Заслуживает отдельного рассмотрения случаи сочетания слова *түгел* с финитными глаголами.

(1) *Сөям түгел, ул сүз бик кечкенә, бик мәгънәсез* (Г. Исхаки) [Татарский национальный корпус «Туган тел»]. – Не «люблю», это слово очень короткое и незначущее (здесь и далее перевод наш – А.Г., Р.З.).

(2) *Бер күзләре генә түгел, аның бөтен торышы, йөзе, авызы — барлык жире шатлыктан көлә түгел, балки яратып елмаялар шикелле* (Г.Ибрагимов) [Там же]. – Казалось, не только ее глаза, но и все ее состояние, лицо, рот от радости не смеялись, но улыбались, выражая любовь.

Обычно это происходит при сентенциальных актантах (в случаях, когда актантное место заполняется инфинитивной конструкцией или даже целым предложением), таким образом, отрицается не собственно глагольная словоформа, а та пропозиция, которая за ней стоит:

(3) *Вакытында безне партиянең уң кулы дип әйтә торган иделәр, уң кулы булып, без күп кенә иҗади һәм рухи фәжигаләр кичермәдек түгел.* (Н. Наджми) [Там же]. – Было время, когда нас называли правой рукой партии: будучи правой рукой, мы испытали немало творческих и духовных драм.

(4) *Наилә ирен аяп, аны жәлләп һәм яклап, ялгыш-хаталарына аклау табарга тырышып яшәмәде түгел, байтак яшәде, байтак түзде* (А.Гилязов) [Там же]. – Наиля немало жила, оберегая, жалея и защищая мужа, пытаюсь оправдать его ошибки, довольно долго терпела.

Часто контекст указывает на то, что отрицается не собственно финитный глагол, а выражение, его содержащее (даже если в татарском тексте отсутствует специальная пунктуация) (см.: пример 1).

Таким образом, слово *түгел* обладает высокой дистрибутивной самостоятельностью, то есть оно может присоединяться к словоформам разной морфологической природы (субстантивным, глагольным, местоименным и т. п.) и даже предложениям. Тем не менее, основная функция слова *түгел* – отрицание неглагольного (непроцессуального) предиката.

4. Морфологическая природа слова *түгел*

В академических грамматиках татарского языка слово *түгел* характеризуется как частица (см. [Татарская грамматика], [Татар грамматикасы]).

Такая точка зрения может быть обусловлена рядом причин:

1. Слово *түгел* семантически неполно (лишено конкретного вещественного содержания) и

требует употребления слева от себя самостоятельного слова: существительного, прилагательного, местоимения и т. п.

2. Влиянием русской грамматики, где стандартным способом выражения отрицания является частица *не*. Описания национальных языков Российской Федерации испытывают сильнейшее влияние русистики и, шире, индоевропеистики, и, к сожалению, не во всех случаях это влияние бывает плодотворным.

3. Тем обстоятельством, что часть речи «частица» является морфологическим классом, который в грамматиках формируется по остаточному принципу: туда обычно включаются единицы, которые не попадают в другие классы, имеющие более четкие очертания.

Частицами в Татарской грамматике называют «служебные слова, придающие отдельным словам, членам предложения или предложению в целом различные смысловые, эмоциональные или модально-экспрессивные оттенки» [Татарская грамматика, с. 352].

Класс татарских частиц в Татарской грамматике представляет собой очень разнородный в структурном, семантическом и функциональном отношении набор единиц, объединяющих:

а) служебные слова (препозитивные, постпозитивные и разноместные);

б) аффиксы -мЫ, -мЫни, -сАна, -чЫ, -Дыр.

В Татарском национальном корпусе аффиксы -мЫ, --мЫни, -сАна, -чЫ, -Дыр не считаются частицами: аффиксы -мЫи -мЫни анализируются как интеррогативные аффиксы, а аффиксы -сАна, -чЫ – как аффиксы прекатива (просительного императива); аналогично аффикс -Дыр выделяется как аффикс пробабилитива (см. таблицу грамматических категорий Татарского национального корпуса). Таким образом, разработчики Татарского национального корпуса к частицам относят лишь раздельнооформленные слова.

4.1. Черты самостоятельного слова у лексической единицы *түгел*

1. Слово *түгел*, хотя чаще всего и используется в основной форме (без аффиксов), может присоединять аффиксы персональности (сказуемости), подобно существительным и прилагательным в составе именной части сказуемого.

Ср.:

мин укытучымын ‘я учитель’ – *мин укытучы түгелмен* ‘я не учитель’;

син укытучысың ‘ты учитель’ – *син укытучы түгелсең* ‘ты не учитель’;

без укытучыларбыз ‘мы учителя’ – *без укытучылар түгелбез* ;

сез укытучыларсыз ‘вы учителя’ – *сез укытучылар түгелсез* ;

алар укытучылар ‘они учителя’ – *алар укытучы түгелләр* ‘они не учителя’.

Эти формы образуются при помощи стандартных показателей сказуемости: показателей лица и аффикса множественного числа ЛАр (для 3-го лица множественного числа). При выделении слова *түгел* из класса частиц одним из существенных аргументов для нас является тот, что частицы, как, впрочем, и основная масса служебных слов, не изменяются, то есть не имеют собственных грамматических форм и морфологических категорий (за исключением модальных аффиксов интеррогатива и пробабилитива, которые могут присоединяться к служебным словам, в том числе и к постпозитивным частицам).

2. Компонент *түгел* может служить в качестве основы для аналитических субстантивов с отрицательным значением, образованных при помощи номинализатора -ЛЫК:

матур түгеллек – ‘некрасивость’;

мөмкин түгеллек – ‘невозможность’;

риза түгеллек – ‘несогласие’;

тамам түгеллек – ‘незаконченность’;

тулы түгеллек – ‘неполнота’ и т. п.

Такие аналитические субстантивы в дальнейшем могут осложняться своим собственным набором словоизменительных аффиксов:

мөмкин түгел-лег-е – ‘его / ее невозможность’

мөмкин түгел-лег-е-н – ‘его / ее невозможность’ (вин. пад.)

мөмкин түгел-лек-ләр-е-н – ‘их невозможность’ (вин. пад.)

Номинализатор -ЛЫК является стандартным средством формирования сентенциальных актантов из обычных предложений, в данном случае отрицательных:

(5) *Моң» сүзенең тәрҗемә итәргә мөмкин түгеллеге турында язган идем инде* (Н.Наджми) [Татарский национальный корпус «Туган тел»]. – Я уже писал о том, что невозможно перевести слово «моң».

(6) *Исмайның карак түгеллеге ул китеп ике ай узгач ук билгеле булды* (Р.Батулла) [Там же]. – О том, что Исмай не вор, стало известно спустя два месяца после его отъезда.

3. Слово *түгел* входит в состав составного именного сказуемого в качестве связки с отрицательным значением, привнося синтаксическое модально-временное значение:

(7) *Мин гаепле түгел* (Н.Фаттах) [Там же]. – Я не виновен.

(8) *Бу бер хыял вә фараз түгел, бәлки аның табигатенең вә йөрәк төбенең сизенүедер*

(Г.Ибрагимов) [Там же]. – Это не мечта и не прогноз, но предчувствие, обусловленное природой и глубиной ее сердца.

В примерах (7, 8) слово *түгел* выражает не только отрицательную модальность, но и настоящее время; при переводе в другой временной пласт вместо слова *түгел* обычно используется глагол в одной из временных форм (9) либо добавляется вспомогательный глагол, передающий значение времени (10):

(9) *Сиңа яшәү әңҗел булмас* (Р.Нуруллина) [Там же]. – Тебе не легко будет жить.

(10) *Мөдирне башкалар белән бутау мөмкин түгел иде* (Т.Галиуллин) [Там же]. – Невозможно было перепутать заведующего с другими.

4 Слово *түгел*, в отличие от большей части обычных постпозитивных частиц тюркского происхождения, имеет собственное фиксированное ударение на первом слоге, не подчиняется закону сингармонизма и не подчиняется законам ассимиляции согласных по звонкости / глухости:

Ср.: *Гүзәл генә* ‘только Гузель’ – *Марат кына* ‘только Марат’ (примеры с частицей);

Гүзәл түгел ‘не Гузель’ – *Марат түгел* ‘не Марат’.

Таким образом, слово *түгел* является семантически неполным словом, выражающим один из аспектов модуса ирреальности – отрицание. Тем не менее, оно по своим морфологическим и морфонологическим свойствам проявляет себя скорее как самостоятельное слово и не должно быть отнесено к классу частиц.

Из всех лексико-грамматических классов слов, описанных в Татарской грамматике, слово *түгел* наиболее близок к классу предикативных слов.

В Татарской грамматике предикативные слова определяются как «класс слов, обозначающих „недейственное состояние“ и выступающих в функции предикативного члена (самостоятельно или в сочетании с другими словами) или эквивалента предложения и обнаруживающих как именные, так и глагольные свойства» [Татарская грамматика, с. 293].

Татарская грамматика относит к предикативным словам единицы следующих типов:

1) экзистенциальные (*бар* ‘есть, имеется’, *юк* ‘нет, не имеется’);

2) модальные (*тиеш* ‘должен, должно’, *мөмкин* ‘возможен, возможно’, *кирәк* ‘нужен / необходим, нужно / необходимо’);

3) утвердительные (*әйе* ‘да’, *ярар* ‘ладно, годится’) [Татарская грамматика, с. 293].

Основная масса предикативных слов с модальным значением, как и слово *түгел*, может присоединять номинализатор -ЛЫК:

тиеш – *тиешлек* ‘долженствование’;

мөмкин – *мөмкинлек* ‘возможность’;

кирәк – *кирәклек* ‘нужность/необходимость’.

Слово *түгел* по своей семантике и морфологическим свойствам вполне соответствует приведенному выше определению предикативных слов. Оно выражает модальное значение (отрицание как один из модусов ирреалиса), оно морфологически изменяется и может присоединять свой набор аффиксов и может служить базой для образования аналитических субстантивов. Трактовка отрицания как одной из форм модальности в науке и философии является достаточно распространенной (см., например, [Бондаренко, с. 64–72]).

Таким образом, анализ общего значения и морфологических свойств слова *түгел* позволяет заключить, что слово *түгел* является не частицей, а предикативным словом с модальным (в данном случае отрицательным) значением.

Заключение

Многие явления татарской грамматики в настоящее время требуют переосмысления и переоценки с учетом как актуального состояния развития науки (особенно с учетом достижений лингвистической типологии, добившейся значительных успехов в описании языков неиндоевропейского типа), так и тех возможностей для получения эмпирических данных, которые дают современные корпусные технологии.

Татарский язык обладает сложной системой морфологических и неморфологических средств выражения отрицания. Каждый тип отрицания в татарском языке требует своего грамматического оформления.

На основании изучения особенностей функционирования слова *түгел* мы приходим к следующим выводам: отрицательное слово *түгел* обладает широкой сочетаемостью: оно может присоединяться к словоформам разной морфологической природы (субстантивным, глагольным, местоименным и т.п.). Отрицательный предикатив *түгел* может использоваться также при отрицании глагольных словоформ, но обычно это происходит при сентенциальных актантах. Слово *түгел* обладает признаками как служебной, так и самостоятельной части речи и по своим морфологическим свойствам должно быть отнесено к классу предикативных слов с модальным значением.

Список литературы

Болдырев Н. Н. Концептуальные основы отрицания в языке // Филология и культура: Материалы IV

международной научной конференции / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. С. 334–338.

Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983. 212 с.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2 / Общ. ред. Н. В. Перцова и В. Н. Саввиновой. М.; Вена: «Языки русской культуры», 1998. 544 с.

Падучева Е. В. Отрицание. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 22.01.16).

Певнов А. М. Об именном отрицании // Типология языка и теория грамматики: Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 155–161.

Татар грамматикасы. Т.2. М.: ИНСАН, Казан: ФИКЕР, 2002. 448 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / ТФА, ТӘҺСИ; баш ред. проф. Ф.Ә. Ганиев. Казан: Матбугат йорты, 2005. 848 б.

Татарская грамматика: В 3т. Т.2. Морфология / Рос. АН, АН Татарстана, Институт языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова; Казан. научн. центр; Редкол.: М. З. Закиев и др. Казань: Татарское книжное изд-во, 1993. 397 с

Татарский национальный корпус «Туган тел». URL: <http://corpus.antat.ru> (дата обращения: 22.01.16).

Татарско-русский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. Казань: Татарское книжное изд-во, 2004. 488 с.

Ханова А. Ф. Средства и способы выражения категории отрицания в татарском языке: в сопоставлении с русским и немецким языками: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2010. 25 с.

Хасанова Л. З. Функционально-семантическая категория отрицания в башкирском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999. 22 с.

Emeksiz Z.T. Negation in Turkish // Dilbilim Araştırmaları. 2010. No. 2, pp. 45–56.

Horn L., Kato Y. Introduction: negation and polarity at the millennium //Negation and Polarity. Syntactic and Semantic Perspectives. Oxford University Press, Oxford. 2000. С. 1–19.

References

Boldyirev, N. N. (2003). *Kontseptualnyie osnovy otritsaniya v yazyike* [Conceptual Foundations of Negation in Language]. *Filologiya i kultura: Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* / Отв. ред. N.N.Boldyrev. Tambov, Izd-vo TGU im. G .R. Derzhavina, 2003, pp. 334–338. (In Russian)

Bondarenko, V. N. (1983). *Otritsanie kak logiko-grammaticheskaya kategoriya* [Negation as a Logical and Grammatical Category]. 212 p. Moscow, Nauka. (In Russian).

Emeksiz, Z. T. (2010). *Negation in Turkish*. *Dilbilim Araştırmaları*. Sayı 2, pp. 45–56. (In English)

Hanova, A. F. (2010). *Sredstva i sposobyi vyirazheniya kategorii otritsaniya v tatarskom yazyike: v sopostavlenii s russkim i nemetskim yazyikami* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Means and Ways of Expressing the Category of Negation in the Tatar Language: Compared with Russian and German: Ph.D.Thesis Abstract]. *Elabuga*, 25 p. (In Russian)

Hasanova, L. Z. (1999) *Funksionalno-semanticheskaya kategoriya otritsaniya v bashkirskom i nemetskom yazyikah* [Functional and semantic category of negation in Bashkir and German]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Ph.D.Thesis Abstract]. *Ufa*, 22 p. (In Russian)

Horn L., Kato Y. (2000). *Introduction: Negation and Polarity at the Millennium*. *Negation and Polarity. Syntactic and Semantic Perspectives*. Pp. 1–19. Oxford University Press, Oxford. (In English)

Melchuk, I. A. (1998). *Kurs obschey morfologii* [A Course in General Morphology] V. 2 / Ed. N.V.Pertsov and V. N. Savvinova. 544 p. Moscow; Vienna, Yazyiki russkoy kulturyi. (In Russian)

Paducheva, E. V. *Otritsanie. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Negation. Materials for the Project of Corpus Description of Russian Grammar]. URL : <http://rusgram.ru> (accessed: 22.01.16) (In Russian)

Pevnov, A. M. (2007). *Ob imennom otritsanii* [On Nominal Negation]. *Tipologiya yazyika i teoriya grammatiki: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyaschennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. D. Katsnelsona*. Pp. 155–161. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. (In Russian)

Tatar grammatikasy (2002). [Tatar Grammar]. Т.2. 448 p. Moscow, INSAN, Kazan, FIKER. (In Tatar)

Tatar National Corpus “Tugan tel”. URL: <http://corpus.antat.ru>. (accessed: 22.01.16)

Tatar telenen anlatmaly suzlege (2005). [Explanatory Dictionary of the Tatar Language] / Ed. F.A.Ganiev. 848 p. Kazan, Matbugat yorty. (In Tatar)

Tatarskaya grammatika (1993). [Tatar Grammar].V 3t. Т.2. Морфология. Рос. АН, АН Татарстана, Institut yazyika, literatury i istorii im. G.Ibragimova; Kazan. nauch. tsentr; Redkol.: M.Z.Zakiev i dr. 397 p. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian)

Tatarsko-russkiy slovar (2004). [Tatar-Russian Dictionary]. Ed. F.A.Ganiev. 488 p. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo. (In Tatar, in Russian)

The article was submitted on 04.02.2016
Поступила в редакцию 04.02.2016

Галиева Альфия Макаримовна,
кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник,
НИИ «Прикладная семиотика» АН РТ,

420111, Россия Казань,
Баумана, 20
amgalieva@gmail.com

Замалетдинов Радиф Рифкатович,
доктор филологических наук,
профессор
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
director.ifmk@gmail.com

Galieva Alfiya Makarimovna,
Ph.D. in Philosophy,
Senior Researcher,
Research Institute of Applied Semiotics of the
Academy of Sciences of RT,
20 Bauman Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation
amgalieva@gmail.com

Zamaletdinov Radif Rifkatovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
director.ifmk@gmail.com